

БАРНАУЛ

литературный

**Наша
Победа**

#1 /1/ май 2010

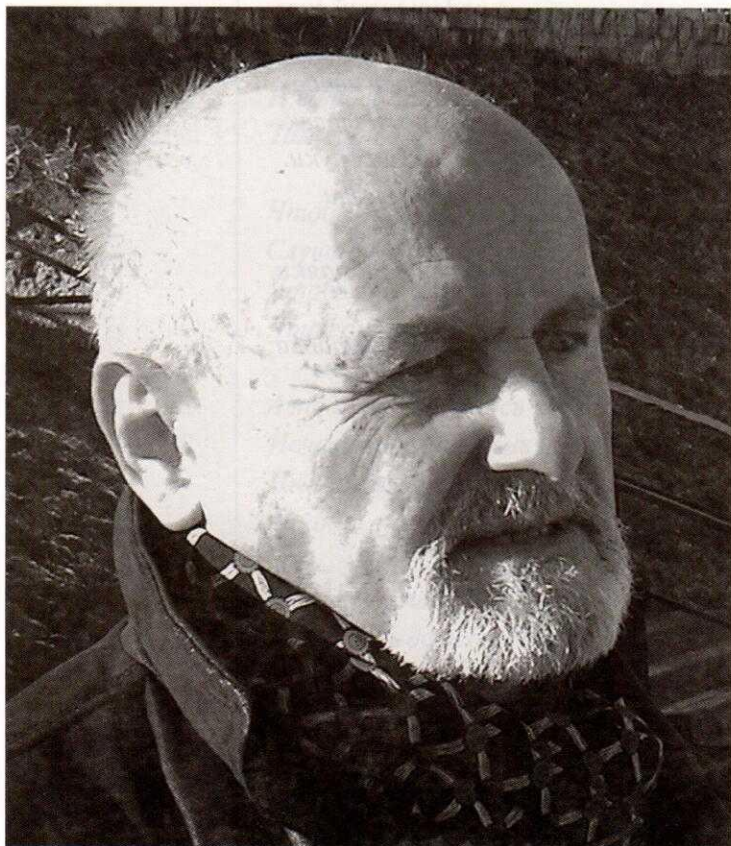
В этой рубрике редакция «БЛ» будет публиковать работы ученых нашего города — филологов, философов, социологов. Словом, тех, кто составляет цвет барнаульской гуманитарной интеллигенции.

Открывает рубрику статья профессора педагогической академии В.В. Дубровской, посвященная одному из аспектов творческого мира известного поэта Владимира Башунова, ушедшего от нас ровно пять лет назад.

«Отцовский текст» поэзии Владимира Башунова

Виктория Дубровская

Отец, как поясняет В.И. Даль, «тот, кто имеет детей». Строение «отцовского текста» определяет «детская» тема, представленная в поэзии В. Башунова достаточно сильно и многообразно. Следует указать на стихотворения со знаковыми заглавиями - своего рода четыре столпа в организации «детской» темы: «Детские места», «Детская ра-

дость», «Детский вопрос», «Детское желание». И, наконец, особое положение в контексте «отцовских мотивов» занимает единственная книга поэта, созданная в 1977 году специально для детей - «Деревенская тетрадка».

«Деревенская тетрадка» занимает особенное место среди книг поэта: может быть, это тот цикл стихотворений, в котором выразились самые глубокие мысли В. Башунова, не смущенные необходимостью участвовать в текущих событиях, переживания.

Деревня — это идиллическое пространство, оправленное в рамки традиционного уклада жизни. Оно может называться Простоквашино или еще как-нибудь. Главное достоинство этого идиллического мира — заполнение всех ролевых ниш — бабушка, дедушка, отец, мать. В истории, рассказанной Э. Успенским, — при отсутствии бабушки и дедушки эту нишу занимают Матроскин и Шарик: один стряпает и делает простую домашнюю работу, другой — охотится; в центре общего внимания — мальчик.

В «Деревенской тетрадке» В. Башуновым организуется локус детства. Разумеется, здесь упомянуты дедушка и бабушка, папа и мама, дети их и приятели детей.

«Деревенская тетрадка» — это текст, записанный в тетрадке, — как дневник, созданный поэтом в пору собственного детства; это записки, созданные им се-

годня для детей. «Детский текст» - это одновременно и родительский, «отцовский текст», который моделирует замкнутый домашний мир, где дитя — причина состояния мира. Так, в нем тихо, потому что спит ребенок:

*И папа ходит шепотом,
И пол не заскрипит,
И мама ходит шепотом,
Когда Наташа спит.*

В этом доме обязательно присутствует сверчок, хранитель домашнего очага, чье имя одного корня со «свирелью», известным атрибутом поэтического творчества. Весь смысл мироустройства в том:

*Чтоб отдохнувшая Наташа
Вставала поутру легко,
Съедала суп,
Съедала кашу
И вытирала молоко!*

В целом это «родительский текст», цель которого — заставить ребенка съесть предложенную ему, несомненно вкусную и здоровую пищу. Кроме супа, каши и молока никаких продуктов питания в «Деревенской тетрадке» не упомянуто. Присутствуют ягоды, но их никогда не едят, только собирают.

Следующий аспект «отцовского текста» - заговор от болезни, развлечение больного ребенка. Стихотворение «Сороки-вороны» отсылает к известному бытовому заговору «У сороки заболи», он представлен как магический, где сорочий разговор о болезни:

- Ур-ребенка нынче жар!
- У него несчастный вид.
- Скарр-латина!
- Корррь!
- Катарррр!
- Нужен срочно стрриптоцид!

- все страшные диагнозы переводит в область досужей сорочьей болтовни и лишает его сколько-нибудь реальной осно-

вы. Таким образом, болезнь отводится, обманывается, как и родительская тревога.

Одна из функций «отцовского текста» дать возможность ребенку ориентироваться в окружающем мире. Здесь у В. Башунова на первом месте, если можно так выразиться, правила поведения в лесу, среди живой природы. Недаром один из «детских» (фундаментальных) вопросов: «Вернутся ли к нам деревья?». «Детские места» у В. Башунова — это лес, и, может быть, самым драматичным для поэта оказалась его неизбежная утрата: «привыкну / к извечным нашим местам». Это утраченное детство и каким-то очень жестоким, ненадлежащим образом, хотя, судя по всему, неизбежным.

В «Деревенской тетрадке» - детство неотделимо от леса и все требует к себе осторожного и уважительного отношения. Стихотворение «Лесные сторожа» о том, как следует вести себя в лесу, чтобы не вызвать гнева лесных сторожей:

*Тонкую ветку зря не крути —
 пусть она вьется.*

*Синюю речку зря не мутит —
 пусть она льется.*

*Даже невольню
Сделаешь больно —
Словно живой
По-над травой
Слышится вздох:
— Ох!*

Наказание за неправильное поведение в лесу, не в отцовской руке, а в лесу:

*Снизу мох укажет твой след.
Сверху коршун закроет свет.
Снизу колючка в пятку войдет.
Сверху гром на тебя упадет.
— Ух!*

Заметим, что ни коршун, ни колючка, ни гром не могут нанести настоящего вреда, этот текст — отцовская страшилка, гораздо более мягкая, чем фольклорные предшественники, где «волчок укусит за бочок».

Лес в «Деревенской тетрадке» населен сказочными существами, и одно из самых коварных – Лесная Дрема. Женская ипостась неурочного сна, Дрема может захватить детей на время («погости у меня») в обмен на дары леса:

*Земляники вам нарву,
Принесу в ладошке белой
крупной-крупной,
Спелой-спелой
С чуть запекшимся бочком...*

Появление Дремы заставляет упомянуть мать: в материнских колыбельных был создан этот персонаж, поэтому мать и вызывается как хозяйка этого текста:

*Снят Наташа с Игорьком.
Дрема кружит и поет.
Как же мама их найдет?*

Лес в стихотворении «Лесное эхо» представляется наиболее интересным, так как это стихотворение, где «Я» поэта включено в состав персонажей стихотворения – детей:

*Заиграемся в лесу,
Разбредемся в соснах.*

В этом стихотворении упомянут еще один мифический обитатель леса – Эхо, но в отличие от Дремы, имеющие фольклорные истоки, у этого персонажа истоки – пушкинские, имеется в виду стихотворение, где рифма называется дочерью нимфы Эхо. В стихотворении В. Башунова главное приключение в лесу – это производство рифмы.

*- Где же Вика?
...ежевика!..
- Где Марина?
...где малина!..*

«Лес – это метафора художественного текста; не только сказки, но и любого художественного текста», – пишет У. Эко. Это одно из самых надежных объ-

яснений, почему для В. Башунова лес – главное событие жизни, это то место, где поэта находит его поэзия, где «свободной помысли и речь», где, наконец, решаются вопросы творчества:

*Здесь ничего б не помешало
Присесть к пеньку и начертать:
«Уж небо осенью дышало»...
Когда бы знать, как продолжать!*

Лес Башунов населяет рифмованными, порожденными Эхо, двойниками детей: Вика – ежевика; Марина – малина; Ларисы – лисы; Севы – совы.

Семья разрастается: в нее включаются и плоды поэтического творчества, источник которого в лесу-тексте, манифестируется как тайна:

*- Чур ни слова обо мне!
...не...не!..
Никому и никогда!
...да...да!..*

Игра в прятки в лесу – метафора присутствия автора в тексте, который в данном случае толкуется как надежное прибежище, где Эхо не выдаст единственного участника игры – инициатора текста.

Как часть «отцовского текста» лес известным образом, если можно так сказать, устроен для детей.

Так, дети собирают в нем ягоду и никогда – грибы. Вне адресованных детям стихи В. Башунова нередко содержат упоминание о грибах всевозможного толка: поиск грибов, приготовление, поедание («И сдвинутый горделиво венец молодого груздя», «Грибной год», «Итак, наготовили на зиму варенья», «Похвала деревенской картошке», «Тихий ангел», «Сюжет с отклонением, или Как собирать грибы»).

Сон о детстве связан с ягодой и мамой: «И снится мне, что я в бору: я с мамой ягоду беру». Ягоду – берут, а грибы – ищут, это охота, хотя и «смирная», по выражению Аксакова. Охотничьей добыче нет места в лесах, посещаемых детьми. Взрослые ловят тайменя, но рыба от них уходит («Таймень»):

*А потом у костра
Сеть поразбросали
И сияла в ней дыра,
Как на сеновале.*

Перекликаясь с «Царь-рыбой» и «Моби Диком», история, рассказанная В. Башуновым, начисто лишена драматизма, зато поучительна и органически входит в состав неизбежных воспитательных забот «отцовского текста».

Ягоды и грибы, будучи неизменными атрибутами деревенского леса, настолько различаются по своей символике, основанной на мифопоэтической традиции, что одно только сопоставление некоторых знаний делает понятным, почему «отцовский текст» устраняет из лесов, доступных детям, упоминание о грибах. Так М.Н. Маковский пишет, что гриб «имеет фаллическое значение <...>, а также символизирует плодородие, долголетие, обилие, силу, пищу. Кроме того, гриб символизирует небо, гром, молнию, ураган. Согласно некоторым поверьям, вши, черви, мухи, лягушки, змеи могут принимать обличье грибов». В народных представлениях грибы часто соотносятся с нечистыми животными и растениями. Тема грибов бывает окружена атмосферой табуирования, зачастую относимая только к детям. Интерес к грибам мог квалифицироваться «как проявление испорченности и бесстыдства».

Ягода же — «божественный символ Вселенной, источник божественной мудрости и вечной молодости <...>, источник света и сверхъестественной энергии, символ Луны». Этимологически ягода — «то, что выросло (на месте цветка), плод». Ягодой у В. Башунова называется земляника, даже внешне похожая на фонарик. Присутствие ягоды в лесу приумножает свет и дух («дух дикой ягоды»). Ягоды являются метафорой детей в стихотворении «Калина». В этюде «По ягоду, по землянику», написанном почти двадцать лет спустя после «Дремы лесной», цитируется строчка о ягоде: «с чуть запекшимся бочком». Повторяется женская ладошка с ягодой, только у Дремы — белая, а у мамы — маленькая. В «Лесной Дреме» спят дети: «Как же мама их найдет?», в этюде рождается противоположное семантическое течение:

*«Где же ты теперь заблудилась, мама
моя?»*

Ау, откликнись...

Нет, не откликается.

Разбился нежный сосуд, рассыпалась, раскатилась по траве земляника, не собрать ее обратно».

Ягода у В. Башунова связана с материнским даром жизни, сосуд, который она наполняет собою, непременно стеклянная банка — хрупкая и прозрачная.

«Помню, некоторые пускались на всякие хитрые уловки. К примеру, если посуда была не стеклянной, наполняли ее травой, а сверху насыпали землянику, да с горкой еще». В «Деревенской тетрадке» дети, отправляясь в лес, берут посуду: тусек и банку, прозрачный сосуд, исключаяющий всякое лукавство.

Рассматривая «Деревенскую тетрадку», мы не коснулись олицетворения природных стихий («Свет», «Дождик»), некоторых других стихов. Нами прокомментированы не все стихотворения, а только те, что на данном этапе наиболее внятно (очевидно) свидетельствуют о наличии «Отцовского текста».

Стихотворение «Утренник», основанное на полисемантической игре: утренник — утренний надой молока (утрешник), а также первый утренний мороз и детский праздник.

Эти три точки не что иное, как природа, родина, семья, в кругу которых идут часы жизни поэта. Подобные фундаментальные схождения картины мира или концентрации бытия в стихах для детей и творчестве в целом позволяют предположить, что «отцовский текст» не локализовался в пределах детской книги, а составляет существенное качество поэтической системы Владимира Башунова в целом.